

Михаил ЧИЖОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил политехнический институт. Член Союза писателей России. Автор 14 сборников прозы и публицистики. Лауреат литературных премий «Серебряный Витязь» (2016), трижды «Болдинская осень» и четырежды премии Нижнего Новгорода, финалист международных премий – Бунинской (2016) и им. К.Н. Леонтьева (2022).

Ранее – начальник производственного отдела на крупном промпредприятии, действительный государственный советник Нижегородской области I класса.

Живёт в Нижнем Новгороде.

ЛОЯЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ЮРИЙ ТРИФОНОВ

К 100-летию со дня рождения

Для того, чтобы понять сегодня, надо понять вчера и позавчера.

Юрий Трифонов

В далёком 1970 году в издательстве ФиС («Физкультура и Спорт») вышел сборник спортивных рассказов Юрия Трифонова с названием «Игры в сумерках». У книги, кстати, тоже своеобразный юбилей – 55 лет. В те годы повального интереса к литературе и писателям новинки тиражом в 75000 экземпляров буквально расхватывались «на ура». Мне посчастливилось (другое слово трудно придумать) купить за 21 копейку эту скромную книжицу в тонкой бумажной обложке, которая после прочтения всех 167 страниц истрепалась и отвалилась. Но блок с титульным листом, скреплённый двумя мощными скобами, сохранился и до сих пор радует меня своим неповторимым содержанием. Предисловие написал известнейший советский футболист Андрей Старостин, и в нём есть такие строки: «Рассказы Ю. Трифонова овеяны дымкой лирического восприятия описываемых событий, где смешное и грустное, порядочное и непорядочное многогранно, как в жизни, и как бы говорит нам, что спорт – это не самостоятельное явление, состоящее из “объективных критериев”, а сама жизнь». Несколько косноязычно и путано, но главная мысль верна – всё, что с нами случается, это и есть жизнь. За школьной ли партой или за токарным станком, за письменным ли столом или за кульманом (компьютером), на теннисном ли корте (катке, ринге) или на стрельбище.

Кто-то из русскоязычных литературных критиков (нынешних иноагентов) считал, что «Игры в сумерках» (один из рассказов сборника) –

это рассказ-иносказание о внезапном исчезновении людей в годы сталинского «террора» тридцатых годов. Нет, и ещё раз нет, этот рассказ – лишь естественная ностальгия о детстве, о котором только и хочется вспоминать. Именно поэтому, Трифонов говорит в заключение этого рассказа: «В те времена, когда мне было одиннадцать лет, сумерки были гораздо теплее». А герой другого рассказа как бы подтверждает предыдущие слова автора: «Потому что нет на свете более крепкого вина, чем то, которое называется “память”». Вот мы с читателями и глотнём этого вина. Но в меру.

1

Кто бы и когда узнал и помнил бы о таком герое Гражданской войны в России, как Валентин Андреевич Трифонов (1888–1938), если бы не его сын Юрий, ставший очень известным писателем в Стране Советов. Юрий Трифонов написал об отце документальную повесть «Отблеск костра» (1965). Под костром писатель понимает весь исторический процесс, а в частности социалистическую революцию в России. «История полыхает, как громадный костёр, и каждый из нас бросает в него свой хворост». Почему «отблеск» костра? Потому, пишет Ю. Трифонов, что «Одних он опалает жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится, но существует на всех». Продолжим сравнение писателя Юрия Трифонова. Объём «пищи», бросаемой в костёр (участие в истории) у каждого свой. Охапка дров или кучка мелких щепок – зависит от величины личности человека и степени вовлечённости его в исторический процесс. Огненные языки костра вознесли отца писателя до всероссийской известности, а потом спалили до смерти. Так часто бывает.

Валентин Андреевич был скромн и замкнут. Это заметила известная литератор Лариса Рейснер (1895–1926), не обладавшая такими чертами характера. Она двигалась по жизни, беря от неё всё, что попадалось на пути. Захотелось ей стать поэтессой, она знакомится с известным поэтом Николаем Гумилёвым и предлагает себя в жены. Получив отказ, едет с новым мужем – комиссаром по морским делам Фёдором Раскольниковым, назначенным 23 августа 1918 года командующим Волжской военной флотилией (заместитель – Н.Г. Маркин) – на фронты Гражданской войны. Кстати, формирование Волжской флотилии проходило в Нижнем Новгороде на заводах «Красное Сормово» и «Теплоход».

В годы Гражданской войны Рейснер пишет книгу «Фронт», где есть такие красивые фразы о Валентине Трифонове, члене Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта. «Осколок разбитого чёртом кривого зеркала застрял и в товарище Трифонове. Из ссылки и тюрьмы он вынес тяжёлую сдержанность долголетнего пленника, несколько болезненный страх перед слишком громкими словами, мыслями и характерами. <...> Неудержимый ветер времени рвёт серые очки с чернявого трифоновского лица, что ему не мешает и сегодня всё так же упорно защищать свой давно развалившийся душевный острог и любимейшее подполье чувств». Да, Валентин Трифонов не умел, скорее не хотел делать любой ценой политическую карьеру и добиваться личной популярности в отличие от Рейснер, своего антипода, раз уж речь зашла об этой Комиссарше, с которой лепил свою героиню Всеволод Вишневский в «Оптимистической трагедии».

Валентин Трифонов, родом из донских казаков, участвуя в революционном движении с 1905 года, прошёл через множество ссылок и тюрем. В очередной ссылке, в Туринске, Валентин Трифонов знакомится в 1907 году с Ароном Сольцем, а писатель Юрий Трифонов позже замечает: «Пожалуй, у отца и не было друга ближе, чем Арон Сольц». Сольц позднее отметил в своих воспоминаниях, что «источником этой оппозиционности (к царским властям. – М. Ч.) было, несомненно, моё еврейство». За Сольцем, занимавшим в довоенном СССР высокие партийные посты, закрепилась слава «совести партии».

Именно Арон Сольц и привёл Валентина Трифонову в квартиру № 21 дома № 35 по 16-й линии Васильевского острова в Петербурге; хозяйкой этой явочной квартиры была Татьяна Александровна Словатинская, дальняя его родственница. В 1912 году у Словатинской (1879–1957) жил в одной комнате с Сольцем бежавший из ссылки Иосиф Сталин. Словатинская (будущая бабушка писателя Юрия Трифопова) тепло вспоминала о Сталине. «Он показался мне сперва слишком серьёзным, замкнутым и стеснительным. Казалось, больше всего он боится чем-то затруднить и стеснить кого-то». Кто-то даже утверждал, что Сталин, а позднее и Валентин Трифонов с Словатинской были в «романтических отношениях». Эта теплота в воспоминаниях Татьяны Александровны, написанных после XX съезда, «развенчавшего культ личности» Сталина, когда на него можно было лить любую грязь в любом количестве, несказанно удивляла Юрия Трифопова в «Отблеске костра». Он искренне не понимал, как «злодей» Сталин, разрушивший бабушкину семью – зять погиб, сын Павел Лурье сослан, дочь Женя (мать писателя) осуждена на десять лет, – так достойно представлен бабушкой в воспоминаниях. Как это так? Почему «отзвука всей этой боли нельзя найти в воспоминаниях Т.А. Словатинской»? – вопрошает Юрий Трифонов. Он пытается найти ответ, задавая риторические вопросы: «Что ж это: непонимание истории, слепая вера или полувековая привычка к конспирации?.. Это загадка, которая стоит многих загадок».

Сейчас, в XXI веке, можно ответить на эти вопросы. Дети и внуки видных репрессированных революционеров, движимые лишь осознанием личной обиды, не понимали и не хотели понимать всех ценностей социалистической идеи, главной составляющей в которой было истинное равенство, отсутствие имущественного разделения на богатых и бедных. Дети и внуки воспринимали социальные преимущества, дарованные советской властью, как данность, как право бесконтрольно пользоваться ими, часто забывая об обязанностях. Именно дети и внуки пламенных революционеров стали разрушителями СССР.

Кстати сказать, бабушка Словатинская, спасшая внука Юру и внучку Таню, оформив через М.И. Калинина над ними опеку, часто ругалась с будущим писателем, получавшим в школе тройки по естественным наукам. Именно бабушка Таня, в дневниках юного Юры именуемая презрительно «бабишка», отвела внука в Дворец пионеров, где он занимался в литературном кружке у известного писателя Беньямина Ивантера (1904–1942), редактора журнала «Пионер». Когда Юра получал тройки, бабушка Таня не пускала его на занятия в Дворец пионеров, требуя прежде исправления оценки на «отлично», что являлось причиной гнева юного Юры.

Вернёмся к отцу будущего писателя. Валентин Трифонов был одним из создателей Красной гвардии, до отправки на фронт входил в президиум ВЧК, был членом коллегии Наркомвоена, членом РВС Республики,

последовательно членом РВС 3-й Армии, Особой группы Южного, Юго-Восточного и Кавказского фронтов. Постоянным адъютантом у него был Павел Лурье, скрупулёзно ведший подробный дневник, который сохранился и стал основой для Юрия Трифонова в повести об отце.

Дочь Валентина Трифонова Татьяна позднее писала в своих воспоминаниях об отце: «Авторы статей пишут, что он был истинным большевиком. На мой взгляд, сказать это об отце никак нельзя. Потому что с 1918 года до конца его жизни у него были свои взгляды на методы построения и управления государством, не совпадающие, даже резко отличающиеся от большевистских методов». Дочь также приводит услышанную от отца фразу, сказанную им жене в середине 30-х годов: «Мы создали паскудную власть. Это фашисты». Рискованные слова – не правда ли? Мне лично не верится, что так говорил Валентин Трифонов, иначе они служат весомым оправданием действий Сталина по отношению к обуржуазившимся представителям коммунистической власти.

В повести Юрий Трифонов пытается разобраться в семейной истории, в судьбе поколения «старых большевиков», а значит, своих родителей, и в большой истории страны, перемоловшей это поколение в конце 1930-х. Но попытка разобраться в прошлом всегда трагична, есть риск наткнуться на скелеты в шкафу или на слова отца, о которых не хотелось бы знать.

Валентин Андреевич Трифонов был прямодушным, принципиальным и смелым человеком. Он резко конфликтовал с Климом Ворошиловым и Семёном Будённым, упрекая их за низкую дисциплину бойцов Первой Конной армии, допуская антисемитизм и мародёрство. Недаром, злопамятный Ворошилов, став военным наркомом в 1925 году, тут же снял В. Трифонова с поста председателя Военной коллегии Верховного суда. После чего Трифонова направляют на дипломатическую работу в Китай, где он разошёлся во взглядах с послом Караханом. «Отец был строгий. Если он говорил “нельзя”, это значило – нельзя», – отмечает Трифонов-младший в рассказе «Серое небо, мячты и рыжая лошадь».

Писатель Юрий Трифонов очень ценил принципиальность отца, которой ему порой самому не хватало. В повести «Дом на набережной» он резко высказался против «всеядности» своего героя Вадима Глебова. «Он был совершенно *никакой*, Вадик Батон. Но это, как я понял впоследствии, редкий дар: быть *никаким*. Люди, умеющие быть гениальнейшим образом *никакими*, продвигаются далеко. <...> *Никакие* всегда везунчики» (выделено мной. – М. Ч.).

В документальной повести «Отблеск костра» Юрий Трифонов скороговоркой перечисляет высокие должности отца: заместитель начальника Главтопа, председатель Нефтесиндиката, дипломатическая работа в Китае и в Финляндии, Главконцесскоме. «Он всю жизнь интересовался военными вопросами, – отмечает сын, – и написал незадолго перед своей гибелью военно-теоретическую книгу “Контурсы грядущей войны”». В ней «отчётливо ощущалась неизбежность скорой схватки с фашизмом. Весь тон книги был суров и тревожен. И это, между прочим, отличало её от многих, появившихся в те годы, книг и кинофильмов, которые убаюкивали народ самоуверенной похвальбой и непониманием грозящей опасности». В начале 1937 года Валентин Трифонов послал рукопись нескольким членам Политбюро – Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе. Никто ему не ответил.

Юрий Трифонов, заканчивает документальную повесть об отце, более всего напоминающую учебник истории Гражданской войны, словами: «Их молчание и было ответом. И “ответ” этот скоро пришёл: его принесли люди в военном, которые приехали ночью в Серебряный бор. Отцу было тогда 49 лет».

2

Дом правительства, занимающий часть Болотного острова на Москве-реке, в жизни семьи Трифоновых сыграл исключительную роль. Семья «старого большевика» и государственного деятеля всесоюзного значения Валентина Трифонова въехала в дом правительства в 1931 году. Официальный адрес громадного дома на Берсеневской набережной таков – улица Серафимовича, 2/20. В небольшой повести «Дом на набережной» (1976) Юрий Трифонов описывает его так: «Серая громада висла над переулочком, по утрам застила солнце, а вечерами сверху летели голоса радио, музыка патефона. Там, в поднебесных этажах, шла, казалось, совсем иная жизнь, чем внизу».

Об этом доме надо рассказать чуть подробнее. В связи с переездом в 1918 году советского правительства из Петрограда в Москву, остро встал вопрос жилищного размещения чиновников советской власти. В 1926 году была создана специальная комиссия, которая должна была заняться строительством жилого «Дома ЦИК и СНК». Место под застройку долго не могли выбрать. А выбор при долгом раздумье часто бывает неудачным. Он остановился на Болотной площади. В Средневековье на «Болоте» были казнены колдун Элизий Бомелий (во времена Ивана Грозного), Степан Разин, Емельян Пугачёв. Археологи не раз во время раскопок обнаруживали здесь и кандалы, и человеческие черепа. Со Средних веков москвичи считали это место «тёмным», гиблым, дьявольским.

Здание в конструктивистском стиле построили «на Болоте» в 1931 году по проекту известного архитектора Бориса Иофана, только что вернувшегося из Италии. По первоначальному плану предполагалось, что фасады Дома на набережной будут красного цвета, что обеспечило бы созвучие с цветом государственного флага и стен древнего Кремля, который возвышался на холме через Москву-реку. Но в смету, как обычно, не уложились, и потому наружные стены остались просто оштукатуренными и покрашены в мрачный тёмно-серый цвет, что отвечало тёмной славе этого места.

На 11 этажах располагалось 505 квартир, для входа устроили 25 подъездов, один из них секретный, без жильцов. На лестничной площадке было всего по две квартиры. В них изначально был настелен дубовый паркет, потолки были декорированы художественной росписью, которую выполнили живописцы-реставраторы из ленинградского Эрмитажа. «Старые большевики» любили чаёвничать, а потому на кухне были оборудованы специальные отверстия-дымоходы для самоварной трубы. По своему социальному положению этот дом можно причислить к домам Коммуны, появившимся во многих областных центрах СССР. В доме размещалось всё, что необходимо для быта и отдыха: клуб (ныне Театр эстрады), кинотеатр «Ударник» на 1500 мест, столовая, спортивный зал, универсальный магазин, сберкасса, почтовое отделение, прачечная, амбулатория, детский сад и ясли. В общественной столовой жильцы Дома на набережной бесплатно, по предъявлении

специальных талонов могли получить как сухие пайки, так и горячие обеды. Но всё это только для жильцов, то есть для номенклатурной элиты, для «своих». Въезжавшие в дом семьи элиты получали полностью меблированную квартиру с практически одинаковыми стульями, столами, шкафами, буфетами, имевшими бирки с инвентарным номером. Это было весьма удобно: когда одну семью врагов народа выселяли, прямо на их место въезжали другие – будущие враги народа. Они пользовались той же мебелью, что и предыдущие жильцы. Так могло повторяться несколько раз. Люди пропадали, а мебель оставалась, не подлежа конфискации.

Вот только несколько имён из живших здесь когда-то знаменитостей. Писатель Александр Серафимович (его именем названа улица), кинорежиссер Григорий Александров с женой Любовью Орловой, дети Сталина – Светлана Аллилуева и Василий, маршал Георгий Жуков, академик и хирург-онколог Николай Блохин, летчик Михаил Водопьянов, создатель ракетной техники Валентин Глушко, поэт Демьян Бедный, маршал Иван Баграмян, летчик Николай Каманин, бывший председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, хореограф Игорь Моисеев, Никита Хрущев и многие-многие другие.

К квартирам в Доме правительства бесплатно прилагались дачи в Серебряном Бору Хорошёвского лесничества. Здесь была дача и у Валентина Трифонова. События и жизнь в доме на улице Серафимовича, 2, а также на даче хорошо и подробно описаны в произведениях Юрия Трифонова, отличающихся особой автобиографичностью. В повестях «Дом на набережной», «Обмен», романе «Время и место», и первом романе «Студенты», и в рассказах «Игры в сумерках» можно найти строки, посвящённые этим значимым и дорогим сердцу Трифонова местам. Например, в романе «Студенты» читаем о Серебряном Боре: «Летом здесь былолюдно и весело, наезжало много дачников, молодёжи, на реке открывались лодочные станции и пляжи, с утра до вечера гулко стучал мяч на волейбольных площадках, – жизнь была увлекательной и лёгкой, похожей на кинофильм». А вот описание внешности самого Юрия Трифонова в двенадцатилетнем возрасте из романа «Время и место» (1980):

Он был толстенький, кудрявый, дома ходил в бархатных коротких штанах, очков не носил, хотя был близорук, в классе сидел за первой партой, указательным пальцем часто оттягивал кожу возле угла левого глаза, отчего глаз сощурился и видел немного лучше...»

В этом романе на склоне лет Трифонов восклицает:

Надо ли вспоминать? Бог ты мой, так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить – это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет.

Замечательные слова! Вывод таков: к произведениям Юрия Трифонова нужно прибавлять слово «вспоминание». Таковы у Трифонова рассказы-вспоминания, повести-вспоминания, романы-вспоминания. Он и сам как-то признавался, что не отличается богатой фантазией и воображением, а все сюжеты почерпнуты им из собственной жизни.

После расстрела отца в 1938 году арестовывают и мать Евгению Абрамовну Лурье, которую отправляют по этапу в Карлаг под Карагандой. Над тринадцатилетним Юрием и десятилетней Татьяной бабушка Словатинская оформляет опеку и тем самым спасает их

от детских домов для детей врагов народа. Конечно, они уже живут не в Доме на набережной, а в коммуналке на Большой Калужской (ныне Ленинский проспект). В 1946 году благодаря хлопотам бабушки перед М.И. Калининим мать Юрия и Татьяны возвращается в Москву, не досидев двух лет. О возвращении матери и чувствах, владеющих им и сестрой при её возвращении, Юрий Трифонов подробно рассказывает в романе «Время и место», отмеченного критиками как весьма слабый в художественном отношении.

Большевики-политкаторжане, легко переносившие тяготы тюрем и ссылок, придя к власти, стремились всячески облегчить жизнь себе и своим детям, забывая элементарное: что роскошью легко испортить детей. 3-летнему Юрию нанимают немку-бонну, которая, как у свергнутых дворян, исполняет роль воспитательницы-гувернантки. К моменту поступления в советскую школу (пошёл он сразу во второй класс) Юрий уже в совершенстве знал немецкий язык, стихи Гейне и Гёте, не говоря уж о командах типа: *hande waschen, zahne putzen, schlafen!* (Руки мыть, зубы чистить, спать!) В школе Юра гордится своими знаниями и подчёркивает своё превосходство над одноклассниками. Как-то на уроке немецкого языка в пятом классе он сказал учительнице длинную фразу на немецком, суть которой состояла в просьбе выйти в туалет. Ученики, как говорится, прижали уши, ничего не поняв, но после ухода Юры преподаватель объяснила им суть сказанного. Мальчишки потом долго куражились над Трифоновым, спрашивая, «не наложил ли он в штаны».

Такая и им подобные обиды гнетут душу Трифонова практически всю жизнь. Он говорит о Глебове, его alter ego из повести «Дом на набережной», следующее: «Но вот от чего Глебов не мог освободиться, что мучающе сопровождало его все годы, начиная с самых ранних, — это глубоко на дне теснящая душу обида...» Недаром его лучшим другом был писатель Лев Гинзбург, также имевший в детстве немецкую бонну...

После начала войны Юрия, сестру Таню и бабушку эвакуируют в Ташкент, где живёт вся московская элита. В Ташкенте Юрий оканчивает в 1942 году школу, и семья возвращается в Москву, от армии его освобождают из-за сильной близорукости. Он оформляется на работу на оборонный завод слесарем, скрывая, что его отец враг народа, но там не сильно-то интересовались анкетными данными из-за нехватки рабочих рук. Пройдя ряд рабочих специальностей, он, имея за плечами хорошую школу писательского кружка Дворца пионеров и неодолимую тягу к творчеству, становится заместителем редактора заводской многотиражки. Представив на творческий конкурс в Литературный институт им. М. Горького стихи и два рассказа, он в 1944 году поступает в институт на заочное отделение, а через два года переводится на очное. Об этом периоде Трифонов рассказывает в нашумевших повестях «Студенты», «Дом на набережной» и в итоговом романе «Время и место». Посещает он семинары прозы Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968) и Константина Александровича Федина (1892–1977).

Инна Гофф, учившаяся с Трифоновым в одно время в Литинституте, вспоминала об отличнике Юрии Трифонове, получавшем с 1947 года стипендию В.Я. Шишкова, так: «Теперь война кончилась, и среди бушлатов и кителей кургузые гражданские пиджачки выглядели сиротливо. Но к нему

это не относилось. Он уже утвердил себя, удачно выступив на семинаре Федина... Великое дело – заявить о себе. Утвердиться. Он уже утвердился, в отличие от тех, в морских бушлатах и армейских гимнастерках. Здесь, на мирном полигоне, они выглядели в сравнении с ним необстрелянными новобранцами». «Они» – это сокурсники, ставшие затем выдающимися писателями (Бондарев, Ваншенкин, Бакланов, Друнина, Солоухин, Гофф и другие) – безоговорочно признавали талант Трифонова. Старшие товарищи, например, К. Федин, помогали Юрию публиковаться в «толстых» журналах. Студент Трифонов, реализуя свои творческие силы, за полтора года пишет в качестве дипломного проекта роман «Студенты» о годах в Литинституте, о борьбе с космополитами.

«Суд» литературно-студенческой общественности – чтение избранных глав из романа «Студенты» – состоялся в ноябре 1948 года на семинаре Константина Паустовского. Невозмутимость и внешнее спокойствие Юрия Трифонова была притчей во языцех Литинститута. Инна Гофф вспоминала:

В ту пору чтение и впрямь несло в себе некий заряд, подобный атмосферному электричеству... Он читал неторопливо, размеренно, несколько скучным голосом. И это было резким контрастом с тем, о чем он читал. И тем, как это было написано, – нам казалось, что блистательно... Юркина повесть показалась мне многообещающей. Такую вещь послушаешь – и заражает, хочется писать... Тогда был его триумф. Юра был бледен. Красные пятна на лице подчеркивали бледность. Значит, волновался...

Осенью 1950 года в литературной Москве случилась маленькая сенсация. Александр Твардовский сразу в двух номерах «Нового мира» напечатал дебютный роман «Студенты» мало кому известного автора Юрия Трифонова. Через неделю после публикации автор, как говорится, проснулся знаменитым. Признанные мэтры литературы поздравляли Трифонова с успехом, а Андрей Лобанов, режиссёр театра имени М.Н. Ермоловой, загорелся желанием поставить спектакль по мотивам романа. Триумф был оглушительным и полным. Редакция журнала «Новый мир», где Федин входил в редколлегию, выдвинула Юрия Трифонова на Сталинскую (ныне Государственную) премию II степени. Говорят, что в декабре 1950 года сам Сталин присутствовал на заседании комитета по присуждению литературных премий. Всё шло по привычному сценарию, но кто-то встал и сказал, что Трифонов скрыл факт, что отец его был «врагом народа». Якобы Сталин улыбнулся и спросил: «Книга действительно хорошая?» Федин подтвердил: «Да, хорошая». Тогда Сталин зачеркнул «II степени» и написал «III степени».

Казалось бы, что лауреату такой премии, как Сталинская, прямая дорога в Союз писателей СССР, но секретариат Союза решил провести своё расследование по поводу сокрытия Трифоновым фактов своей биографии. Не вдаваясь в подробности, заметим, что Трифонов был принят лишь в качестве кандидата сроком на один год, а уж потом, обещали ему, включают в основной список Союза писателей. Но ещё пять лет Трифонова не принимали в Союз. Кроме того, районная организация ВЛКСМ провела совещание с намерением исключить Юрия Трифонова из комсомола. Нюансы подготовки и итоги этих совещаний нашли отражение в рассказе «Недолгое пребывание в камере пыток», а также в повести «Дом на набережной».

Что же касается романа «Студенты», то прав оказался Илья Эренбург, заметивший: «Автор весьма талантлив, но я хотел бы надеяться,

что он когда-нибудь пожалеет о том, что написал эту книгу». Так оно и получилось. Уже в 1970 году Трифонов признался Л. Левину, что из «Студентов» получилась «странная смесь искренности и хитрости, которую я наивно считал обязательной».

Только в конце 1956 года по совету Константина Федина Трифонов вернулся к вопросу вступления в Союз писателей СССР и написал справку в президиум Московского отделения Союза писателей СССР с просьбой перевести его из кандидатов в члены Союза. В ней Трифонов указал свои творческие достижения за последние пять лет.

С 1951 года я активно работал в литературе, написал две пьесы: «Молодые годы» (1952 г.) и «Залог успеха» (1954 г.), поставленные в Моск. т-ре им. Ермоловой. Напечатал три рассказа о Куйбышевской стройке под общим заголовком «Встречи на Волге» («Смена» 1951 г.), рассказы «Фёдор Кузьмич» («Огонёк» 1955 г.), «Случайный сосед» («Огонёк» 1956 г.), «Доктор, студент и Митя» (Молодая гвардия, № 1) «Последняя охота» (Литературная газета, 1956). Печатаю очерки о поездках по стране в Лит. газете, Комсомольской правде, Советской культуре и о поездках за рубеж – в журнале «Новое время» (1955 г.) и в «Лит. газете» (1956 г.). Кроме того напечатал несколько рецензий на книги в Лит. газете, в журналах «Новый мир» и «Октябрь».

В мае 1951 года Трифонов женится на солистке Большого театра Нине Нелиной (1923–1966). Она была дочерью балерины Полины Мамичевой и известного в Москве художника Амшея Марковича Нюренберга, в их квартиру-студию молодожёны переезжают жить. В рассказе-воспоминании «Посещение Марка Шагала» Юрий Трифонов подробно останавливается на этом периоде жизни.

Я жил в странном доме на Масловке, который был построен в тридцатых годах с расчётом на то, что тут поселятся дружные жизнерадостные творцы пролетарского искусства, не озабоченные ничем, кроме своего дела, своего мчания вперёд, поэтому как на вокзале: одна уборная и один водопроводный кран на этаж, где жили человек двадцать.

Тесть, как пишет в этом рассказе Трифонов, «сначала меня любил, потом возненавидел». Первая жена явилась прообразом героинь в произведениях Трифонова: «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Бесконечные игры».

На премиальные деньги Трифонов купил автомашину «Победа», но сам машину не водил и не хотел заниматься этим беспокойным делом. Нанял водителя, зарплата которого быстро съела все денежные запасы.

Нелина была уже сложившейся артисткой, солисткой Большого театра и являлась главным кормильцем в доме. Ее карьера набирала обороты, а Трифонов только прикидывал, что делать дальше. У Нины было прекрасное колоратурное сопрано, и, помимо того, она была яркой женщиной: шатенка с вьющимися волосами и ярко-голубыми глазами да еще в молодости красилась в блондинку. Возможно, именно ее красота и известность в качестве оперной дивы послужили причиной слухов о ее любовной связи с «великим и ужасным» Лаврентием Берия. Такие слухи, разумеется, доходили до Трифонова, возбуждали ревность, которая отнюдь не способствовала взаимопониманию. Ради Трифонова Нина бросает сцену Большого театра и переходит на работу в Москонцерт, чтобы иметь больше времени для общения с мужем и больше заработать, чтобы избежать упреков матери. Их бригада давала

концерты в Арктике и на дрейфующей льдине, за что Нелина удостоилась звания «Почётный полярник».

Подобный дисбаланс уязвлял самолюбие Юрия Трифонова и служил поводом для конфликтов. «Нина думала, что я буду получать Сталинские премии каждый год», – с горечью напишет Трифонов впоследствии, но он был не прав в осуждении жены. В декабре 1951 года в семье Трифонова и Нелиной родилась дочь Ольга, что ещё более усложнило ситуацию. Молодожёны жили, по сути, на зарплату Нины, которая разрывалась между работой и уходом за ребенком, чтобы муж имел возможность творить. А Трифонов, тем временем, либо сидел дома, читая газету «Советский спорт», либо пропадал в Доме литераторов, либо ходил с друзьями на футбол на стадион «Динамо», который был в двух шагах от дома.

Поэт и однокурсник Константин Ваншенкин, писал в «Воспоминаниях о спорте»: «Юрий жил на Верхней Масловке, возле стадиона “Динамо”. Начал ходить туда. “Прибаливал” за ЦДКА по личным мотивам – из-за Боброва. На трибуне познакомился с закоренелыми спартаковцами: драматургами Арбузовым и Штоком, начинающим тогда статистиком футбола Константином Есениным. Они убедили его в том, что “Спартак” лучше. Редкий случай».

Теща Полина (Пелагея) Мамичева упрекала зятя за то, что он «валяет дурака», лежа на тахте, пока ее дочь-артистка летает с концертной бригадой по всей стране вплоть до Северного полюса. В семье нарастало напряжение, «опыт» его Трифонова ярко описал в последующих «московских повестях».

Коротенький рассказик «Путешествие» Трифонова начал так:

Однажды в апреле я вдруг понял, что меня может спасти только одно: путешествие. Надо было уехать. Все равно куда, все равно как, самолетом, пароходом, на лошади, на самосвале – уехать немедленно. Почему мне стало так худо – это другая история, рассказывать ее долго и ни к чему.

Говоря современным языком, теща и тесть «достали» Трифонова, который готов был уехать «куда глаза глядят», лишь бы не видеть и не слышать упрёков в лени.

К тому же Трифонов мучился поисками темы для второго романа. Первый роман «Студенты» он стал, и не без оснований, считать уступкой «сталинскому режиму» и предательством по отношению к отцу. Есть в «Студентах» и откровенно конъюнктурные моменты: студент Белов обличает преподавателя Козельского за низкопоклонство перед Западом и космополитизм. «Студентов» Трифонов расценивал как обмен памяти об отце на деньги и известность, но смело, антисталински, писать боялся. В повести «Дом на набережной» (1976), герой которой Глебов часто выступает трифоновским alter ego, говорится об «осторожности, проявлявшейся иногда безо всяких поводов, по наитию. <...> На самом деле работал тайный механизм самосохранения...»

Забегая вперёд, надо сказать, что жена Нина Нелина разгадала характер мужа. Она тоже вела дневник, в котором 5 марта 1966 года записала: «Ю.В. влип в дело Аксенова. Васька поднес им с Рыбаковым письмо на подпись об освобождении Синявского и Даниэля. И вот мой тоже влип. Хочется из тщеславия и благородства подписаться, с другой стороны – мысль: что будет? Рыбаков и мой Юрка – люди осторожные, но тщеславные и карьерные. Они решили подписать письмо, и, может быть, послать. Они якобы хорошие, но где-то их гложет страх...»

И тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить!

Писать так, как Всеволод Кочетов написал роман «Чего же ты хочешь?» (1969), Трифонову мешал инстинкт самосохранения. Кочетова травили и слева, и справа так, что в 1973 году он выстрелил себе в сердце. Система безжалостно расправлялась с правдолюбцами и идеалистами, ратующими за справедливость и достойное отношение к народу.

Роман Кочетова вызвал бурную полемику в обществе и в партийных кругах тех лет. Кочетов первым увидел и описал перерождение интеллигенции, партийной и хозяйственной верхушки, отрыв власти от народа. Он рассказал, как многие номенклатурные деятели, с восторгом смотрящие на Запад, создают свой класс «для себя». Роман свидетельствует, что уже к 70-м годам в Москве правят балом подпольные дельцы, называемые «цеховиками», карьеристы от КПСС, диссиденты, фарцовщики. «Проклятая каста» (так Сталин называл чванливо-чиновную номенклатуру) к 80-м годам своими щупальцами охватила уже и провинцию, потому неудивительно, что началась «перестройка» с последующим разрушением СССР.

И тут Трифонову вспомнились творческие успехи поэта Николая Тихонова, создавшего ещё до войны цикл стихов о Туркменистане. Вспомнилась тихоновская книга очерков «Кочевники», роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», а главное повесть «Кара-Бугаз» его литературного наставника Паустовского о социалистических преобразованиях в Средней Азии. Эти произведения наталкивают Трифонову на мысль о создании очередного романа соцреализма, подобного «Студентам». Кроме всего прочего, непременно хотелось удрать из семейной душно-тяжёлой обстановки на «волю». И «познать себя», как в последствие напишет Трифонов. В 1952 году Трифонов с трудом уговаривает Твардовского командировать его на деньги «Нового мира» в Туркмению для сбора материала нового романа «Канал», впоследствии переименованного в «Утоление жажды». Трифонов наблюдал строительство канала от Аму-Дарьи в Каспийское море, посещал геологические экспедиции, работал специальным корреспондентом в газетах Ашхабада, переводил с подстрочников туркменских писателей. Позже он вспоминал: «Мотался по Каракумам на вездеходах, на верблюдах, на маленьких самолетиках, знакомился, узнавал, записывал».

В туркменских рассказах Трифонов оформляет жизненное и творческое кредо: в каждом человеке столько хорошего, сколько и плохого. Трудная семейная жизнь подтолкнула его к этому осмыслению. Справедливости ради надо сказать, что в такой пропорции он оценивал и себя, и своих близких, которых изображал в своих произведениях достаточно беспристрастно – без упрека, но и без снисхождения.

Твардовский не оценил рассказы и роман «Утоление жажды», отказался их печатать в «Новом мире», тогда Трифонов отнёс их антиподу Твардовского Вадиму Кожевникову, редактировавшему «Знамя». И печатался Трифонов в «Знамени» с 1959 года шесть лет. Там его вещи, к великому счастью, редактировала Софья Разумовская, человек с огромным литературным вкусом. С ней Трифонов четыре раза переделывал «Утоление жажды». В художественном плане роман не представлял собой ничего нового. Хотя впоследствии критики усмотрели в нём умение «запечатлеть время не сюжетно, не в слове героя, не в его интеллектуальной рефлексии, а в настроении».

В 1964 году роман «Утоление жажды» был выдвинут на Ленинскую премию за свою партийную направленность, но комитету по присуждению премий этой направленности показалось мало, произведение

прокатали. Но за издание романа отдельной книгой Трифонов получил большой гонорар, на деньги которого он купил недостроенную дачу в посёлке писателей Красная Пахра. В соседях у него оказался Твардовский (участки разделял невысокий штакетник) и друзья: Иосиф Дик, Виктор Драгунский, Григорий Бакланов. За хозяйственные работы по достройке дачи с энтузиазмом взялась Нина. Она приложила много сил, чтобы его достроить: нанимала рабочих, указывала им, что и как делать, покупала краски и другие отделочные материалы по своему отменному вкусу. Так появился прекрасный просторный дом с террасой. Перед террасой Нина разбила сад: посадила грядки с клубникой, по бокам высадила кусты со смородиной. Но воспользоваться своими трудами и пожить в этом раю она не успела.

Сам Трифонов не занимался ни строительством, ни садоводством или цветоводством, как и большинство его соседей, несмотря на уговоры русского по духу Александра Твардовского.

4

В это время осторожного Трифонова увлекла своей аполитичностью и беспроблемностью новая тема – спорт. Отличное знание немецкого языка и приличное владение английским позволили Трифонову в 1950–1960-е годы работать в качестве спортивного корреспондента на многих международных соревнованиях. В то время поездки за рубеж были привилегией избранных. У Трифонова имелись все предпосылки, чтобы попасть в их круг – литературная известность, знание иностранных языков, любовь к спорту. Кроме того, спортивная журналистика помогала безбедно жить: командировки оплачивались валютой, появилась возможность покупать импортные вещи, познавать капиталистический образ жизни и писать очерки и репортажи. Они печатались в газетах «Физкультура и спорт», «Советский спорт», «Футбол», «Литературная Россия», «Литературная газета».

Государственный контроль в спортивных изданиях был менее строгим, чем в других изданиях. Видимо, поэтому редактору «Советского спорта», а затем «Физкультуры и спорта» Николаю Тарасову удалось собрать вокруг себя группу молодых и талантливых авторов, предоставив им относительную свободу самовыражения. Зарубежные поездки дали Трифонову неоценимый материал для его будущих рассказов и книг «московского цикла». Его интересовали прежде всего не результаты спортивных игр, а способности человека выстоять и победить в трудных условиях. Он изучал психологию спортсменов как личностей, разгадывающих секреты своих побед и поражений. В этом трифоновские рассказы и очерки очень похожи на психологические поиски Жоржа Сименона (1903–1989) в романах «Поезд из Венеции», «Неизвестные в доме», «И всё-таки орешник зеленеет», «Пассажир «Полярной лилии», «Тюрьма», «Смерть Беллы» и рассказах о комиссаре Мегрэ. Только предметом изучения Трифонова являлись спортсмены и семейные отношения, а второго – преступники и те же семейные отношения.

В спортивных текстах было легко избежать образов прошлого и не менее легко вписаться в образы современности. В течение 18 лет Трифонов входил в редколлегия журнала «Физкультура и спорт», написал несколько сценариев к документальным и художественным фильмам: «Стартует молодость», «Ловкость, красота и здоровье», «Мы были на Спартакиаде».

В уже упомянутом рассказе «Недолгое пребывание в камере пыток» Трифонов говорит мимоходом о себе, как об авторе «отличного фильма “Хоккеисты”». Трифонов заслужил, и не без оснований, звание основоположника психологического рассказа о спорте и спортсменах. Хотя Константин Ваншенкин считал его «человеком с трибуны» (да и сам был таким), то есть не испытывавшим спортивные нагрузки на своём горбу, в отличие, например, от штангиста Юрия Власова, также авторе замечательных рассказов о мире спорта и психологии спортсменов. Константин Ваншенкин писал: «Сидели когда-то с Ю. Трифоновым в кафе Дома литераторов и говорили, между прочим, и о футболе. Кто-то сказал: “О чем вы! Как вы можете?..»” Мы вежливо объяснили: “Это гораздо интереснее, чем говорить о ваших повестях и пьесах. Вот так...”»

Как писатель и человек с тонко организованной душой Трифонов приходит к мыслям о бренности человеческой жизни, о той острой её несправедливости, когда человек, зная о своей смерти, живёт, словно его не ждёт определённый, печальный конец. И в этом счастье человека и его поражение. Заканчивая один из спортивных рассказов, он с острой ностальгией напишет после разговора с молодым австрийцем:

Я вдруг подумал: да, да, он прав, все это происходит единственный раз в жизни и больше никогда не повторится. Я никогда больше не приеду в Инсбрук. Никогда больше не буду разговаривать с этим Кристианом, сидя в темном автобусе, который медленно поднимается по горной дороге. Никогда не увижу вот этой горстки огня на вершине, где приютился какой-нибудь отель или санаторий. Все это – никогда больше.

Выезжая за границу, Трифонов порой берет с собой и жену. Но на июльский чемпионат мира по футболу в Англии (1966) возможности такой не представилось, что возмутило Нину. Разразилась дикая ссора с взаимными упреками и обвинениями. «Ю. конечно противный парень. Я люблю труд писателя, понимаю в литературе, я могу любить его, мне не нужны другие, но он так мало уделяет мне внимания, так дразнит мою ревность унизительно и зло – что он мне делается ненавистен... и я найду другого человека...», – записала в своём дневнике Нина. А Трифонов пишет о том же самом так: «Во время ссор и скандалов Нина кричит, выбалтывает непоправимое. Иногда мне кажется, что она больна душевно. Но уже очень скоро она другая... глаза у нее словно выцветают». Трифонов как-то не выдержал, сказал, что уйдёт от неё. «Подожди, – ответила Нелина, – я скоро умру, и ты женишься или на какой-нибудь редакторше, или...». Второй вариант касался тогдашней жены прозаика Берёзко Ольги Мирошниченко. И она оказалась права.

Муж улетел на чемпионат мира, а рассерженная с большим сердцем жена поехала в курортный литовский городок Друскининкай. Райское место, в котором автор сих строк побывал в начале 80-х годов. Юго-запад Литвы рядом с границами Польши и Белоруссии, верховья Немана среди стройных сосен, чистейший жёлтый песок, голубые небеса и озёра, на берегу одного из них стоит этот уютный городок с неприменным костелом. Родина знаменитого литовского художника Чюрлёниса с домом-музеем, где он жил. На телефонный звонок Нины из Литвы с просьбой, чтобы Трифонов приехал, он не отозвался. В Друскининкае Нина и умирает в возрасте 43 лет от обширного инфаркта, но шли слухи, что она наложила на себя руки, приняв большую дозу снотворного.

Трагические переживания Трифонова от смерти жены воплотились впоследствии в рассказе «В грибную осень», где есть страшные слова, сказанные Фросей (в жизни – тёщей) в лицо сестры (Трифонову): «Заездила, заездила мать...». Надо понимать, что Трифонов «заездил» жену.

По описаниям друзей, Юрий Трифонов тяжело переживал потерю жены. Третья жена Трифонова Ольга Мирошниченко рассказывала:

Однажды мы говорили о шокирующей непредсказуемости поведения человека, переживающего подлинное горе, и Юра сказал неожиданное: «Через две недели после смерти Нины я с двумя бутылками водки поехал к незнакомой женщине».

А женщина позвонила сама и сказала, что совсем недавно потеряла мужа и, может, им вдвоем будет легче. Юра поехал к ней на Ростовскую набережную в изогнутый дугой дом. Легче ли им было вдвоем, он не сказал, сказал только, что женщина была умной и доброй. Вскоре она умерла. Вот и вся история.

Через полгода, весной 1967 года Трифонов едет спортивным обозревателем на чемпионат мира по хоккею в Вене. Об этой поездке говорит рассказ «Травничек и хоккей».

5

В 1967 году Трифонов познакомился с Аллой Павловной Пастуховой (1936–2014), редактором «Политиздата» в серии «Пламенные революционеры». Писатель Аркадий Ваксберг отзывался о ней очень тепло: «Алла Павловна работала в Политиздате... Она была одним из лучших, если не лучшим, редактором в этом издательстве. Все, кому привелось с ней сотрудничать, отмечали её культуру, благожелательность и вкус. Она всех и все понимала и делала максимум возможного, чтобы рукописи достойных авторов не слишком жестко страдали от придирок начальства и от цензорских ножниц».

Она предложила Трифонову развить очень выигрышную для Запада тему терроризма и написать исторический роман, например, о русских террористах, убивших императора Александра II. Трифонов послушал дельного совета и создал роман «Нетерпение» (1973) о народовольце Желябове. По причине набирающей актуальность темы терроризма его роман стал наиболее известной книгой за пределами СССР, суммарный тираж этой книги составил 900 тыс. экземпляров. Особенную актуальность «Нетерпение» приобрёл в Западной Германии, где в 70-е годы появилась леворадикальная террористическая организация «Красные бригады», совершавшая кровавые акции. Именно этот роман, пятый в списке немецких бестселлеров того времени, заинтересовал Нобелевского лауреата по литературе Генриха Белля (1917–1985). Под влиянием Аллы Пастуховой возник лестный для Трифонова термин «густое письмо Трифонова». Сам Трифонов прекрасно сознавал, как велик был вклад Пастуховой в его работу. Он часто повторял, что своим успехом обязан Алле. Неслучайно Трифонов называл Пастухову своим любимым, «пожизненным» редактором. Как профессионал Трифонов за время брака с Пастуховой сильно вырос. У нее был прекрасный вкус, по ее рекомендациям он убирал из своих произведений лишнее, по нескольким раз переписывал отдельные места.

Но длинноты в первой повести «Обмен» (1969), созданной в первые годы их совместной жизни, ещё сохранились. Так, в одном из абзацев

на 17 строк Трифонов подробнейшим образом расписал, как жена Дмитриева Лена разбирает постель на тахте. Что простыня легла неровно, и пришлось наклоняться, чтобы достать углы, и лицо Лены при этом наклоне «налилось краской, а живот низко провис и показался Дмитриеву очень большим...». Конечно, это очень «важно» для характеристики жены.

Деловые отношения переросли в официальный брак в 1968 году. Браком этот деловой союз назвать было трудно. На даче Пастуховой не нравилось, и она там почти не бывала. В Москве они тоже жили порознь, за Трифоновым новая жена практически не ухаживала.

В ноябре 1975 года Юрий Трифонов принёс в редакцию «Дружбы народов» повесть «Софийская набережная». Через месяц, уже после публикации журнального анонса повести, Трифонов меняет её название на «Дом на набережной». Ошеломительному успеху этой повести (1976) в первом номере «Дружбы народов» Трифонов также во многом обязан Алле Пастуховой. Вместе с ней Трифонов сократил повесть *в три раза*, сделал её, с одной стороны, более емкой и концептуальной, а с другой – проходимой для цензуры. Изъятые же места составили основу неоконченного романа «Исчезновение», опубликованного посмертно.

В течение двух лет повесть «Дом на набережной» была переведена на немецкий, английский, венгерский, датский, итальянский, норвежский, финский и другие языки. Трифонов внезапно становится мировой литературной знаменитостью, его приглашают на международные книжные ярмарки, он выступает с лекциями о советской литературе в университетах США и Западной Европы. Убежденность Генриха Бёлля, что Трифонов достоин Нобелевской премии по литературе, крепнет, и он выдвигает Трифопова на эту премию, которую тот не смог получить по самой прозаической причине – смерти.

Дочь Трифонова Ольга Трифонова-Тангян (живёт в Дюссельдорфе, ФРГ) вспоминала:

Это был творческий союз, настоящий литературный дуэт. Этот период был самым продуктивным в жизни Трифонова. В 1969–1972 г. он издал одну за другой свои «московские повести», в 1973 – роман «Нетерпение». Все отмечали, что в «московских повестях» Трифонов переродился, но забывали отметить, что переродился он под влиянием своей второй супруги Аллы Пастуховой. Считаю это в высшей степени несправедливым. Она сама мне говорила: «Каждую его строчку я пропускала через себя». Могу засвидетельствовать их кропотливую совместную работу над рукописями.

В этом отрывке из воспоминаний чувствуется глубокое уважение Ольги Тангян к Алле Пастуховой.

Но вскоре Алла перестала Трифопова удовлетворять в прямом и переносном смысле. Он стал искать связи на стороне. Одной из его тайных привязанностей стала с 1972 года Ольга Романовна Мирошниченко, младше его на 13 лет. Им удавалось скрывать от окружающих свои отношения семь лет. Грубо говоря, когда Алла Пастухова правила рукописи Трифонова, он в это время встречался со «второй» Ольгой. Так её позже называли в семье Трифоновых, так как «первой» считалась дочь его от Нины Нелиной. Кстати, обе Ольги резко враждовали, особенно на даче в Красной Пахре, где, чтобы развести двух Ольг, для младшей был построен отдельный небольшой дом в углу участка. Когда дочь Трифонова вышла замуж и уехала с мужем, она с облегчением вздохнула и порадовалась, что никогда сюда не вернётся.

Вот как описывал внешность Трифонова в пору его руководства Литературной студией при МК ВЛКСМ «семинарист» Леонид Бахнов: «Трифонов, во-первых, довольно высокого роста и шире в плечах в два раза. Крупный то есть. Во-вторых, спокойный, вальяжно неторопливый и вполне уверенно высказывающий свои суждения человек. В темно-бежевом хорошо сшитом пиджаке и больших очках с чуть затемненными стеклами». В 1988 году Л. Бахнов напишет о Ю. Трифонове статью «Семидесятник», где в частности есть такие слова:

Этим названием мне хотелось подчеркнуть грань, отделяющую Трифонова от «шестидесятников». Я попытался взглянуть на позицию Юрия Трифонова как бы изнутри – изнутри его творчества, судьбы, его эстетических пристрастий. И связать это с тем временем, в котором ему – и всем нам – довелось жить. Говорил о его органической тяге к недосказанности, о том, что его чисто эстетические требования к собственному творчеству «полярно сошлись» (его выражение!) с требованиями цензуры. А закончил я ее такими словами: «Сейчас настала пора прямого слова. Уходит, улечивается аромат намека, недомолвки, иносказания. Но трифоновские “пробелы” не выглядят анахронизмом. Потому что они насыщены мыслью – той, что звучала в 60-х, глушилась в 70-х, которую нам еще долго (вспомним напоследок любимое слово писателя) “дочерпывать”».

Дружеские связи Трифонова с немецкими издателями и критиками (знание немецкого языка способствовало) были настолько сильны, что последний прижизненный его роман «Время и место» был впервые издан не в СССР, а в ГДР. Но о диссидентском характере этой вещи говорить не приходится, просто немецкий критик Ральф Шрёдер (1927–2001) считал Трифонова своим другом и свой долг увидел в том, чтобы несмотря ни на что перевести последнюю вещь своего товарища на немецкий язык.

В 1979 году у пары родился сын Валентин, названный в честь деда-большевика. И, понятное дело, Трифонову-старшему очень хотелось жить, но с детства было больным сердце, а зачастую болезнь сердца отражается на почках, или наоборот. Трудно сказать, что в этой «паре» играет первичную роль, а что вторичную. Трифонову сделали операцию, удалили почечную опухоль. Все прошло успешно, он находился в обычной палате, а 28 марта 1981 года перед обходом врачей Трифонов взял газету, чтобы скоротать время за чтением собственного интервью. Когда доктора зашли к нему в палату, он уже не дышал. Писатель умер от легочной тромбоэмболии – закупорке тромбом артерии, доставляющей кровь к лёгким. Юрий Трифонов не дожил пять месяцев до своего 56-летия.

Молодая вдова проявила недюжинную активность и оформила на себя квартиру Трифоновых № 137 в Доме на набережной для создания квартиры-музея. Она состояла при нём одновременно и хозяйкой, и экскурсоводом. Характерную особенность подметила Ольга Романовна, которой поделилась с очередным интервьюером: «Дедушки ковали революцию, а внуки почти все живут за границей».

Начало своего творческого пути Трифонов ретроспективно развернул в ранее упомянутом рассказе «Недолгое пребывание в камере пыток»:

Но меня это не трогало. Я был занят другим. Я писал книгу. Другие женщины с белошеничными косами возникали и пропадали. Вдруг я женился. Летела в молодом нетерпении жизнь. Моя слабая книга получила известность, глаза мои застилал туман, и тут на меня обрушилась гора. <...> Дело в том, что мне грозило исключение. Я окончил институт, но продолжал находиться в комсомольской организации института. Слабая книга внезапно получила премию. Поэтому было сладко меня исключать. И было за что: я скрыл в анкете, что отец враг народа, во что никогда не верил.

На жизненные коллизии Трифонова, творческие и бытовые, повлияла, прежде всего, его элитарность, выпестованная с детства. Его бабушку знал и ценил сам Сталин. Принадлежность к элите – это как золотая вещица (кольцо, перстень или что-то иное), подаренная при рождении. Кольцо можно исцарапать, обляпать, но золото, как материал, из которого оно сделано, остаётся тем же самым золотом, будь ему 50, 100 и более лет. К чему это?

Интеллигенция боготворила Трифонова, как кумира, как своего защитника. Его повести семидесятых годов интеллигенты считали оправданием своего собственного незавидного, по их мнению, положения в душные годы, так называемого «застоя». Однако в силу своей элитарности Трифонов писал не об учителях, научных сотрудниках, врачах, тем более, инженерах. Он был далёк от них. Он писал о себе, о своём почти постоянном раздражении, безнадёжности и об усталости. Писал густо, плотно, талантливо, скорее всего, не специально о ней, но всё получалось так же – об усталости. Вот в романе «Время и место» он говорит о себе: «Это становилось болезнью, он жил теперь, последние года полтора, какой-то двойной жизнью: всё, что случалось с ним, с его друзьями, с далёкими знакомыми, о которых он узнавал понаслышке, окружал загадочный ореол возможного воплощения». Вроде отражены муки творчества, но получилось про ту же самую безнадёжность. «Давно нет <...> знобящего чувства, что – все впереди, все еще случится, произойдет», – думает о себе герой «Предварительных итогов». Или: «Все вместе и еще много другого, такого же чужого, нанесенного издалека – казалось бы, чужого! – и составляет громадную нелепицу, вроде нескладно сложенного стога сена, мою жизнь». *Мою жизнь!*

И это не только моё мнение. Во время публичного обсуждения повести «Дом на набережной» в Центральном доме литератора (ЦДЛ) прозаик Владимир Дудинцев сказал, что ему неинтересны такие произведения, посвящённые «микроорганизмам» на лезвии гильотины, отсекающей «великие головы». Он имел в виду ничтожность жизненных проблем и этических дилемм Вадима Глебова и других героев «Дома на набережной» в годы, когда в тюрьмах и лагерях гибли лучшие учёные, писатели и политические деятели. Между тем, Семён Экштут, написавший монографию о Трифонове в серии ЖЗЛ, подсчитал, что в «Доме на набережной» ни разу не упомянуто имя Сталина, но зато слово «страх» упоминается 17 раз... «страшное» – 14 раз, и лишь один раз – ключевое слово «террор». Юрий Трифонов был осторожен всю свою жизнь.

Автор исторического исследования «Россия век XX» в 2-х томах, литературовед Вадим Кожинов, ученик Михаила Бахтина, написал статью «Проблема автора и путь писателя». Он упрекал Трифонова в конъюнктурности и намекал, что надо было писать «Дом на набережной» раньше, в конце сороковых – начале пятидесятых годов, когда происходят основные действия повести и когда Трифонов получил Сталинскую

премию за свой дебютный роман «Студенты», написанный в духе социалистического реализма и борьбы с космополитизмом.

Эти упреки больно задели Трифонова, но они были справедливы. Если бы они не были таковыми, то не задели бы самомнение.

В статье с символическим названием «Нет, не о быте – о жизни» (1976) Трифонов пытается снять со своих произведений навешенный критиками ярлык «бытовизма» и говорит:

Нам, по-моему, следует словечко «быт» как-то укоротить. Поставить его на место. Иначе будем без конца путаться и недоумевать.

Далее он рассуждает, что нет такого термина «бытовая литература» и с юмором добавляет, что есть «бытовой сифилис», «бытовая комиссия», «бытовой сектор»... Но чтоб литература бытовая? Заключает он статью выводами:

Советская литература – это громадная стройка, в которой участвуют разные и непохожие друг на друга писатели. Из наших усилий создаётся целое. Между тем критика подчас требует такой цельности, такой универсальности от каждого произведения, будто каждое произведение должно быть энциклопедией. Неким универсамом, где можно достать всё. «Почему здесь нет этого? Почему не отражено то-то?» Но, во-первых, это невозможно. Во-вторых – не нужно. Пусть критики научатся видеть то, что есть, а не то, чего нет. Есть люди, обладающие каким-то особым, я бы сказал, сверхъестественным зрением: они видят то, чего нет, гораздо более ясно и отчётливо, чем то, что есть.

Что же читатели могут узнать из произведений, а точнее, из жизни Трифонова и чем себя обогатить? Возьмём, к примеру, повесть «Дом на набережной». Бóльшая часть повести – это воспоминания Вадима Глебова о времени своего детства, юности (1930-е) и студенчества (конец 1940-х), переданные со множеством умолчаний и намёков. Главный герой припоминает людей, встречи, интерьеры и обстоятельства времени: из всего этого он создаёт избирательную и непротиворечивую картину прошлого, в которой для неприятных событий и подлых поступков не оставалось места. То есть Глебов постоянно оправдывает себя во всём (предательстве, измене, зависти, трусости), что с ним происходило, в той линии поведения, перед выбором которой ставила его жизнь. Трифонов говорит об этом всепрощенчестве: «Всё было, может, не совсем так, потому что он старался не помнить. То, что не помнилось, переставало существовать». Намёк, который можно вынести из повести, один и главный, заключён в образе Шулепникова, его жизни и падении. Высокопоставленные родители при воспитании своих детей не руководствуются преемственностью, не передают традиции русского народа, растя Иванов, не помнящих родства. А вместе с падением таких, как Шулепников, да и Глебов тоже, и государство падёт. Наверное, этот намёк прекрасно поняли в СССР и на Западе, что и сделало повесть столь популярной и здесь, и там.

Чуткая душа поэта Андрея Вознесенского верно подметила в поэме «Оза» (1964): «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек». Обрушение человека действительно началось с 1961 года, когда Хрущёв поманил советских людей иллюзией коммунизма с обещанием давать каждому по потребностям, независимо от вклада, т. е. способностей и трудолюбия. Мудрый немецкий социолог Эрих Фромм (1900–1980) пророчески заметил: «Хрущёв организовал гуляш-социализм. На этом всё и кончится». И действительно кончилось через 30 лет, но именно

с Хрущёва началось движение за «удовлетворение материальных потребностей населения». Потребительский зуд охватил советский народ, ещё морально не созревший для коммунистических отношений, и в конце концов «вещизм» (так тогда говорили) разрушил социалистическую и социально ориентированную страну.

В чём могут люди реализоваться и подтвердить социальный статус? Для этого нужно постоянно доказывать себе и другим, что ты лучше, успешнее, попросту выше других. Кто-то добивается этого через знакомства и связи – умеет достать дефицит («шерстяные рейтузы и билеты на Райкина»). Кто-то может похвастаться новым автомобилем или фотографиями из загранпоездки. Кто-то уходит в «духовность», покупая из-под полы Бердяева или отправляясь по северным деревням искать старые иконы. А Лена, героиня «Обмена», например, кичится своими культурными запросами и «клокочет по поводу тех, кто не признает Пикассо и скульптора Эрзю».

Есть и более тонкий способ: можно смотреть свысока на тех, кто сумел хорошо устроиться: пропихнул диссертацию, написал пьесу на одобренную сверху тему или просто смог договориться с рабочими, чтобы починили канализацию на даче. Презрение есть последнее убежище тех, кто не пробился наверх или остался не у дел в этом новом остановившемся времени. «Если мы откажемся от презрения, мы лишим себя последнего оружия, – говорит Ксения Федоровна, мать Дмитриева из “Обмена”. – Пусть это чувство будет внутри нас и абсолютно невидимо со стороны, но оно должно быть». Но презрение не плодоносящее чувство, а разрушающее. И в этом тоже явный намёк на недолговечность государства, населённого такими «простыми» людьми, презирающими достижения страны.

В интервью немецкому журналу «Веймарер байтреге» (№ 8 за 1981 г.) Трифонов сказал: «...для меня самое важное – показывать жизнь человека, простого, обычного, сегодняшнего человека, со всеми перипетиями его сложной жизни, потому что жизнь совсем простого человека, которую я хорошо знаю, всегда очень сложна. Наверное, поэтому у меня много читателей. Они видят в моих книгах не только московскую жизнь, они находят в них собственные проблемы и сложности».

При этом признании мы проглотим последние капли «крепкого вина, которое называется “память”», как это сделал когда-то герой рассказа «Испанская Одиссея» Юрия Валентиновича Трифонова.

Выше упомянутый Фромм определял смысл жизни так: «Быть означает давать выражение всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми наделён каждый из нас. Это значит преодолевать узкие рамки своего собственного “я”, развивать и обновлять себя и при этом проявлять интерес и любовь к другим, желание не брать, а давать». Думается, что Трифонов полностью соответствовал этим требованиям.